

Примечания

- 1 *Burwick F.* Poetic madness and the Romantic imagination. Published by the Pennsylvania State University Press, 1996. P. 118.
- 2 См.: *Горохова Р. М.* Торквато Тассо в России XVIII века : (Материалы к истории восприятия) // Россия и Запад : Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 105–163.
- 3 См.: *Бугаева И. С.* «Торквато Тассо» Н. В. Кукольника : творческая история, соотношение факта и вымысла // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. Вып. 27, Т. 8.
- 4 Архитектурно-парковый ансамбль – Государственный музей-усадьба «Архангельское». URL: <http://arkhangelskoe.ru/history/02.php> (дата обращения: 20.03.2015).
- 5 *Плетнев П. А.* Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» // Журн. изящных искусств. СПб., 1825. Кн. 3. С. 210–227.
- 6 Здесь и далее цитируется в переводе С. Соловьева по изданию: *Гете И. В.* Собрание сочинений : в 10 т. Т. 5. М., 1977. С. 238.
- 7 Caroline Herder to Herder, between 16 and 20 March 1789, цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 107.
- 8 *Гете И. В.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 301.
- 9 *Конради К. О.* Гете. Жизнь и творчество : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 553.
- 10 Там же. С. 550.
- 11 См.: *Burwick F.* Op. cit. P. 109–110.
- 12 Ibid. P. 111.
- 13 См.: *Goetes Sämtliche Werke. Jubiläums-Ausgabe. Cotta'sche Bibliothek.* Stuttgart, 1892. Bd. 33. S. 41.
- 14 *Burwick F.* Op. cit. P. 112.
- 15 Байрон. Библиотека великих писателей / под ред. С. А. Венгерова. Т. 2. 1904. URL: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0590oldorfo.shtml (дата обращения: 12.02.2015).
- 16 Там же. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.
- 17 Байрон. Библиотека великих писателей. Т. 2. 1904. URL: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0590oldorfo.shtml (дата обращения: 12.02.2015).
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 *Лист.* «Тассо. Жалоба и триумф». URL: http://belcanto.ru/sm_liszt_tasso.html (дата обращения: 25.03.2015).
- 21 Цит. по: *Дьяков Л.* «Дневник» Эжена Делакура // Искусство. 2008. № 9. URL: <http://art.1september.ru/index.php?year=2008&num=9> (дата обращения: 15.12.2014).
- 22 *Burwick F.* Op. cit. P. 114.
- 23 Ibid. P. 115.
- 24 Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 117.
- 25 *Дауден Э.* Очерк жизни Шелли // *Шелли П. Б.* Избранные произведения. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Философские этюды. М., 1998. URL: <http://philology.ru/literature3/dauden-98.htm> (дата обращения: 08.12.2014).
- 26 Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 115.
- 27 Plato, Phaedrus, 245a.
- 28 *Shelley P. B.* Julian and Maddalo (449 – 450) // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014). Пер. Н. Дьяконовой, А. Чамеева. См.: *Дьяконова Н., Чамеев А.* Элегия Адонаис как итог творческого пути Шелли // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 132.
- 29 *Shelley P. B.* Scene from «Tasso» // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014).
- 30 Цит. по: *Burwick F.* Op. cit. P. 117.
- 31 Ibid. P. 117.
- 32 Ibidem.
- 33 *Shelley P. B.* Song for «Tasso» // The Complete Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. Oxford Edition, 1914. Vol. 1. URL: https://ebooks.adelaide.edu.au/s/shelley/percy_bysshe/s54cp/ (дата обращения: 10.12.2014).

УДК 327(420:560) |17|

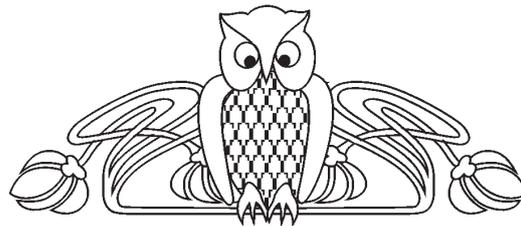
ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНИИ: ОТ КАРЛОВИЦКОГО КОНГРЕССА ДО НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Л. Р. Сабитова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Sabitovalliliya90@mail.ru

В статье рассматривается специфика британской политики в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке в 1699–1791 гг. в контексте дипломатического противостояния в Европе и защиты британских владений в Индии.

Ключевые слова: Британия, Россия, Франция, Османская империя, русско-турецкие войны, Ост-Индская компания, Египет.

British Eastern Policy: from the Carlowitz Congress to the Beginning of the French Revolution

L. R. Sabitova

The article describes the peculiarities of British policy in the Eastern Mediterranean and the Middle East during 1699–1791, within the context of the diplomatic confrontation in Europe and the defense of British possessions in India.

Key words: Britain, Russia, France, Ottoman Empire, Russo-Turkish wars, East India Company, Egypt.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-1-54-60

Как известно, Век Просвещения – XVIII век – стал для Европы также эпохой завоевательных, колониальных войн, главной целью которых был захват территорий и контроль над выгодными торговыми коммуникациями. Одним из эпицентров борьбы стала акватория Средиземного моря. Могушество главной силы региона – Османской империи, добытое в ходе кровопролитных и длительных войн на Западе (против Священной Римской империи, Испании, Речи Посполитой, Венеции) и на Востоке (с Ираном), на рубеже XVII–XVIII столетий стало ослабевать. По этой причине турецкая «восточная угроза» Европе начала трансформироваться в так называемый «восточный вопрос» – в банальный сюжет о принципах и участниках скорого дележа османского территориального наследства на Балканах и на Ближнем Востоке.

Карловицкий мир, заключенный осенью 1699 г. участниками Священной лиги (Священная Римская империя, Речь Посполитая, Венеция, Россия) с Османской империей, обозначил первый и весьма важный этап в истории развития «восточного вопроса». С одной стороны, поскольку турки теряли обширные континентальные территории, а их наступление на Европу было окончательно остановлено, данное событие являлось несомненным успехом для западных держав. С другой стороны, европейские политики столкнулись с новой проблемой. Перед ними состоялось явление могущественной православной империи – России, претендующей на активное участие в европейских и восточных делах.

После завершения Северной войны против Швеции Российской империя (1722) оказалась наиболее опасным противником для слабеющей Османской Порты. По этой причине если в конце XVII столетия участие русских войск в спасении Европы от «турецкой угрозы» бурно приветствовалось, то через считанные годы активность Петербурга, направленная на радикальное ослабление Османской империи, расценивалась в качестве новой угрозы утвердившемуся миропорядку. В этой ситуации Стамбул стал местом ожесточенного противостояния дипломатов ведущих европейских держав, желавших поставить внешнюю политику Порты (в частности, по отношению к России) под свой контроль. К их числу могут быть отнесены и представители английской буржуазной монархии, вступившей в начале XVIII века в борьбу за европейскую и колониальную гегемонию. На рубеже столетий, пережив революционные потрясения и уничтожив торговую монополию Голландии, она превратилась в ведущую морскую державу. Полстолетия спустя, стремясь подкрепить свои успехи в борьбе

за американские, а затем и за индийские колонии, Англия открыто заявила о своём внимании к акватории Средиземного моря. Еще на рубеже XVII–XVIII вв. здесь появилась первая английская эскадра. С 1704 г. английские военные корабли постоянно базировались в захваченном у Испании Гибралтаре. В 1757 г. была учреждена должность главнокомандующего британским флотом на Средиземном море, а в 1759 г. дополнительной военно-морской базой британцев в регионе стала испанская Минорка. Тем не менее говорить о доминировании англичан в Средиземноморье и в отношениях с Османской империей было ещё рано. Решающая роль и позиции Лондона утвердились в регионе лишь к середине XIX века. Следует отметить, что английское присутствие на Востоке носило «догоняющий» характер. Как и другие европейцы, англичане принимали участие в Крестовых походах на Святую землю. После падения Византии, вслед за французами, они установили дипломатические и торговые отношения с Османской империей: в 1583 г. в Стамбул был отправлен посол Уильям Харборн. Параллельно начала свою деятельность английская торговая Левантская (Турецкая) компания. Таким образом, контакты с османами оказались поначалу в руках частных лиц. Правительственная политика Лондона в это время сосредоточилась на территории Нового Света, где создавались первые английские колонии. Более столетия функции английских послов при султанском дворе выполняли агенты Левантской компании.

На рубеже XVII–XVIII вв. внешнеполитический курс Англии в отношении Османской империи начал стремительно перестраиваться в «духе времени». Её послы стали быстро отходить от роли индифферентных к политике торговых агентов. Так, следует отметить успешные действия в Стамбуле лорда Паджета (1694–1702) и сэра Роберта Саттона (1702–1716)¹.

Лорд Паджет, участник Карловицкого конгресса, был посредником между Портой и членами антитурецкой Священной лиги. Его заслуги на поприще миротворчества были вынужден признать влиятельный французский посол, барон де Ферриоль². Должное авторитету англичанина отдали и турки, которые щедро наградили его перед отправкой на родину. Принимая следующего английского посла, турецкий султан Ахмед III заметил: «англичане – наши старые добрые друзья... Мы не забудем их помощь при Карловице»³.

Миссия преемника Паджета, сэра Роберта Саттона, совпала с обострением франко-русского соперничества в Стамбуле и преобладанием в Османской империи шведского короля Карла XII, который после поражения под Полтавой (1709) был вынужден просить убежища у султана. Саттон предлагал поддержать Россию, в противовес Франции и Швеции, провоцировавших русско-турецкий конфликт. В этой ситуации англичанин выступил посредником в начавшихся русско-ту-

рецких переговорах⁴, за что получил солидное денежное вознаграждение от царя Петра I⁵.

В целом деятельность Паджета и Саттона может быть охарактеризована в контексте развития нового этапа дипломатической активности англичан в Османской империи, который носил явственно политический характер и не был ограничен традиционной для них стратегией улучшения торгово-экономических отношений с Портой. Тем не менее английские дипломаты в Стамбуле ещё долго оставались лишь посредниками в переговорах, в частности, русско-турецких. Этому способствовало то обстоятельство, что политика Лондона на Востоке была привязана к европейским интересам. В первую очередь, следовало действовать против своего главного противника на континенте – Франции, традиционно поддерживавшей Турцию. В этой ситуации, хотя Англия и предпочитала не связывать себя формальными международными соглашениями, чтобы не повредить своей восточной торговле, объективно она поддерживала «антитурецкий курс» России.

Дружественные отношения Англии и России во многом определялись тем, что они были старыми торговыми партнерами. На них не повлияли даже события Семилетней войны (1756–1763), в которой страны оказались в противоположных лагерях. Как известно, Россия в союзе с Францией вела боевые действия против Пруссии, в то время как Англия отвоевывала у Парижа его заокеанские канадские колонии. Военная мощь, которую Россия продемонстрировала в ходе этого масштабного европейского конфликта, сделала ее весьма желанным континентальным союзником для Англии⁶. Для России, в свою очередь, были привлекательны морское могущество Англии и предложения субсидий с ее стороны. Благоприятным моментом для создания политического союза с Россией англичанам показалась начавшаяся русско-турецкая война 1768–1774 гг.

1 ноября 1768 г., после того как новость о начале войны достигла Лондона, британский посол в Стамбуле сэр Джон Мюррей получил указание предложить «добрые услуги» своей страны по урегулированию русско-турецкого конфликта⁷. С подобными предложениями в письмах к султану Мустафе III обратился и сам английский король Георг III. Однако заставить турецкие власти принять английское посредничество оказалось не так просто. Даже при желании султана урегулировать конфликт, не все зависело исключительно от его воли. Идею о необходимости войны с Россией активно продвигали турецкие вельможи, стараясь списать на нее внутренние проблемы страны. К тому же попытка активизации миротворческой деятельности британского посла сразу натолкнулась на противодействие французского посла в Стамбуле, графа де Сен-При. Целью Франции было, напротив, заставить турок вести активные боевые действия, чтобы отвлечь внимание России от союзников Парижа – Польши и Швеции. В слу-

чае потребности в заключении мирного договора французы собирались взять посредничество в переговорах полностью на себя. В этом намерении французов в феврале 1769 г. поддержал Къяйя-бей, один из влиятельных турецких министров⁸. В то же время Великий визирь Мохаммед Эмин пообещал принять услуги английского посла, после того как определится будущий победитель в войне⁹. Однако главным препятствием для возможных посредников стало то, что Россия совершенно не собиралась ограничивать свое поведение рамками, предусмотренными «добрыми услугами» европейских стран. Очевидная слабость Турции в военном отношении и возможность получить новые территории лишили Екатерину II всякого желания закончить войну как можно скорее и на чужих условиях.

В конце 1769 г. война приняла совершенно неожиданный оборот. В Средиземном море появилась русская военная эскадра под командованием графа А. Г. Орлова. Для Турции это была угроза, которая могла изменить весь ход войны. К тому же в Стамбуле было ясно, что корабли Балтийского флота никак не могли достичь Средиземного моря без помощи Англии. Не случайно в командном составе российской эскадры были английские офицеры, поступавшие на службу Петербургу. Российские корабли получали стоянки и ремонт в английских портах, запасались провизией и оружием в британском Гибралтаре. Для турецкой стороны был также ясен конечный пункт продвижения русских военных моряков. Не случайно Теодоре Алексиано, глава греческой колонии на британской Минорке, был назначен там русским консулом¹⁰.

Данные события нашли своё отражение в позиции английской дипломатии в Стамбуле. Разумеется, посол Мюррей заявил о нейтралитете своей страны. Он заверил турок, что с того момента, как агрессивные военно-морские планы русской императрицы стали явными, ни один английский подданный не поступал на русскую службу. Однако этих аргументов было явно недостаточно, чтобы доказать непричастность Англии к происходившему. Этим не преминули воспользоваться глава французской дипломатии министр герцог Шуазель и французский посол в Стамбуле Сен-При. Последний информировал турок о передвижении русских кораблей и убеждал их в преувеличенной помощи русским со стороны англичан, что, по его мнению, объяснялось тесными связями двух государств. Манипулируя незнанием турками европейских законов и политики, а зачастую и географии, Сен-При умело лишил своего британского коллегу возможности оправдать действия своей страны¹¹. В депеше Шуазелю Сен-При предлагал даже создать франко-турецкий военный альянс с целью вытеснить русских из Восточного Средиземноморья. В то же время французы опасались, что реакция турок на их предостережения выльется в желание поскорее заключить мир, в то

время как Франция собиралась сделать все, чтобы затануть начавшуюся войну¹².

По мере активизации русских эскадр в Восточном Средиземноморье турки понемногу начинали осознавать всю трудность ситуации. Русские десанты высаживались в континентальной Греции, в начале 1770 г. в греческой Морее вспыхнуло восстание. Турецкие власти вынужденно обратились к британскому послу с просьбой использовать свое влияние на Россию, чтобы она увела свои корабли из Средиземного моря. В конце июня 1770 г. турецкий реис-эффенди прямо заявил английскому драгоману, что помощь Лондона русским делает невозможным принять помощь его дипломатов в посредничестве на мирных переговорах.

Между тем восстание в Морее успехом не увенчалось. Однако 5–7 июля 1770 г. турецкий флот был уничтожен в Чесменском сражении у берегов Малой Азии. Это событие стало переломным моментом в войне: теперь русский флот мог угрожать непосредственно турецкой столице обстрелами или блокадой. Однако для графа Орлова более важной задачей был поиск долгосрочной военно-морской базы в непосредственной близости от турецких Проливов. В итоге, 27 островов эгейского архипелага приняли русское подданство и стали неофициально именоваться «великим княжеством Архипелагским»¹³. На протяжении последующих двух лет (1772–1774) русский флот продолжал безуспешные попытки захвата отдельных частей континентальной Греции. В этом противостоянии Турции, желавшей силами эскадр своих провинций выдворить опасного противника из Эгейского моря, был дан решительный отпор в Патрасском сражении (1772). Более того, русские корабли успешно действовали у египетской Александрии, а также планировали уничтожить остатки турецкого флота – тунисскую эскадру. В 1773 г. русские даже осадили сирийский Бейрут, где морской десант соединил свои действия с отрядами местного шейха, поднявшего мятеж против османов¹⁴.

Успехи российского флота в Восточном Средиземноморье ускорили появление новых желающих стать посредниками в русско-турецких переговорах – австрийцев. Быстрое продвижение русских в сторону Балкан и Черного моря не могло устроить императора Иосифа II и его министра Кауница. Посредничество Вены было предложено в начале 1770 г. Австрийскую инициативу незамедлительно поддержал Фридрих II Прусский. С этой позицией начал соглашаться и Шуазель, тем более узнав, что австрийцы выступают за восстановление довоенного status quo. Таким образом, у Англии оставалось очень мало шансов выступить в качестве посредника, особенно учитывая возросшие антианглийские настроения в Стамбуле.

В данной ситуации дипломатическая активность англичан была вполне оправданно нацелена на разработку запасного решения проблемы,

если австро-прусское не сработает. Их надежды полностью оправдались: в 1772 г. турки снова сделали предложение относительно английского посредничества. За этим последовало перемирие и два безуспешных мирных конгресса – в Фокшанах и Бухаресте. В частности, турецкая сторона пыталась получить у английского посла гарантии независимости Крымского ханства. Значительно осложнила переговоры смерть султана, которая ввергла внешнюю политику Османской империи в хаос. Новый султан, Абдул-Хамид I, подтвердил, что без английского посла мир не будет заключен. Впрочем, великий визирь Мухинзаде-паша стал обмениваться письмами с русским командующим фельдмаршалом Румянцевым. Узнав об этом, английский посол в Петербурге высказал предположение, что России и Турции уже не нужны посредники. Так или иначе, но по итогам «предприятия» английский посол в Стамбуле получил лишь формальное письмо с благодарностью от фельдмаршала Румянцева уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774).

Блестящая победа русского оружия стала особым, переломным моментом для восточной политики европейских государств. В зарубежной историографии эти события часто рассматриваются как новая точка отсчета в «Восточном вопросе»¹⁵. Боевые наступательные действия, развернувшиеся с участием военно-морских сил России в Восточном Средиземноморье и на территории Ближнего Востока, стали тревожным эпизодом, как для Османской Порты, так и для всей Европы, пристально следившей за судьбой слабеющей мусульманской империи. В то время как европейцы стремились к укреплению своего политического и экономического влияния в Стамбуле, Россия сделала ставку на прямой захват территорий турецких провинций. Причем если стремление Петербурга освободить православных братьев-христиан на Балканах можно было оправдать¹⁶, то поддержка русским командованием отношений с восставшими правителями ближневосточных провинций (Египта и Сирии), а также захват Крыма – исконно мусульманских территорий – не могли не дать повода предполагать наличия у России масштабных завоевательных планов в отношении южного соседа. Тем самым, европейские державы в самое ближайшее время ожидали получить нового и весьма достойного соперника¹⁷.

Для Англии ход и итоги очередной русско-турецкой войны тоже стали поворотным моментом, прежде всего в отношениях с Россией. Английское правительство предлагало России свое посредничество и обещало добиться сохранения за ней «Азова, Кубани и права навигации на Черном море». В обмен Англия просила Россию о предоставлении военной помощи в случае ведения боевых действий в Североамериканских колониях и Индии¹⁸. Екатерина II отвергла этот план. В ответ Англия отказалась помогать русским морякам непосредственно в Средиземном море

и выразила протест по поводу желания России устроить военно-морскую базу на одном из островов архипелага. Однако это не помешало России продолжать действовать самостоятельно и независимо. Следовательно, с идеей заключения русско-английского союза, подстроенного, прежде всего, под английские интересы, было покончено. По мнению некоторых зарубежных исследователей, после провала попыток посредничества в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Англия отвернулась от восточных дел, так как положительно повлиять на ее отношения с Россией она не смогла¹⁹.

Тем не менее было бы неправильным говорить о полном угасании внимания англичан к региону Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Напротив, именно в 70–80-е гг. XVIII столетия оно начинает активно проявляться в стратегии английского правительства, которая была призвана уже не просто сорвать планы своих соперников (главным образом, Франции), но защищать собственные интересы, связанные, прежде всего, с обострением «индийского вопроса».

«Индийскими делами» Англии с 1600 г. занималась Ост-Индская компания, регулярно получавшая от монарха и парламента обновленные хартии на право торговли со странами в акватории Индийского океана. Однако за полтора столетия Компания превратилась из торговой организации в солидную военную и политическую силу в регионе. В ходе Семилетней войны войска Ост-Индской компании сумели вытеснить из Индии своих конкурентов – представителей французской Компании Индий. В то же время был установлен контроль над некоторыми богатыми индийскими территориями. Фактически, частная торговая корпорация стала выполнять там функции государства, оставаясь при этом ответственной лишь перед собственными акционерами, но отнюдь не перед английским правительством²⁰.

Правительство, в свою очередь, было крайне обеспокоено подобным усилением Ост-Индской компании. В течение 60–70-х гг. XVIII столетия в английском парламенте шли активные дискуссии по «индийской проблеме», главной идеей которых была необходимость поставить индийские владения под правительственный контроль. В 1773 г. усилиями правительства лорда Ф. Норта был принят Регулирующий акт для улучшения управления Ост-Индской компанией. Согласно этому документу влиятельная торговая корпорация обязывалась назначать генерал-губернатора, его советников и судей для обеспечения действия британского законодательства. Акт вызвал протест со стороны акционеров, посчитавших это посягательством на собственные права. С их мнением, которое опиралось на мощное лобби в парламенте, нельзя было не считаться, и Акт исполнялся формально. Впоследствии к этому вопросу вернулся Уильям Питт-младший, заняв пост премьер-министра. Его Индийский билль 1784 г. предполагал создание специальной комиссии

из членов парламента и Тайного совета с целью установления надлежащего контроля над гражданской, военной и доходной деятельностью своенравной Компании. Был учрежден Контрольный совет по делам Индии, который возглавил друг и соратник премьер-министра Генри Дандас²¹.

Обеспечение государственного «присмотра» над индийскими владениями потребовало от правительства Англии налаживания надёжного способа сообщения с ними. Отправлять важные депеши в обход Африки представлялось неприемлемым по причине протяжённости данного маршрута. Гораздо более короткий путь в Индию лежал через территорию Ближнего Востока. Вариантов было два: из Англии в Средиземное море (через Египет и Красное море) или через территорию Восточного Средиземноморья (через Сирию, Ирак и Персидский залив). Англичане постарались получить согласие на транзит почты и товаров через турецкие провинции со стороны султана, тем более что на этих территориях уже были открыты фактории английской Левантийской компании²². Однако получить доступ к ним оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось. По сути дела, началась борьба на два фронта: между компаниями (Левантийской и Ост-Индской) и правительством Османской империи. В частности, Левантийская компания протестовала против сухопутной торговли, осуществлявшейся другой коммерческой организацией на её территориях. В то же время сама компания угасала. После Семилетней войны левантийцы уже не вели дел с Египтом, а в Сирии под их контролем оставался один порт – Алеппо. В соседнем Ираке фактории компании стали в 1773 г. жертвами эпидемии; их пришлось эвакуировать. В целом торговля в турецких провинциях, где господствовал произвол чиновников и взяточничество, становилась бесприбыльной, а порой и опасной²³.

Несмотря на сложности, Ост-Индская компания, напротив, стремилась поддерживать свою торговлю на Ближнем Востоке. Её сотрудники даже пытались в 1772 г. организовать ещё одну, внутреннюю корпорацию для ведения операций через Суэц²⁴. Ситуация для этого складывалась вполне благоприятная. В Египте к власти пришел мамелюкский бей Али Аль-Кебир, который собирался в скором времени провозгласить независимость от Османской империи. Для подкрепления позиций Египта мамелюки планировали оживить внешнюю торговлю, в основном с европейскими христианскими государствами. Англичане незамедлительно воспользовались случаем. Несмотря на перемену политической обстановки (Аль-Кебира на его посту сменил свергнувший его бей Абу Эль-Доаб), англичане в 1775 г. получили разрешение приводить свои торговые корабли в Суэц и платить умеренную пошлину.

Договор англичан с представителями мятежной провинции вызвал недовольство Стамбула, особенно в контексте русско-турецкой войны

1768–1774 гг., в ходе которой англичане считались причастными к помощи русскому флоту в Средиземном море. Порта со своей стороны запрещала кораблям христианских стран углубляться в Красное море дальше порта Джидды. После прихода кораблей в этот порт надлежало произвести перегрузку товаров на арабские суда, идущие в Суэц. По официальной версии, турецкие власти не хотели подпускать «неверных» к Святым местам, однако на деле все было куда прозаичней: процветающая торговля и прямые контакты с иностранцами могли спровоцировать сепаратистские настроения в местных провинциях и новые попытки отделения²⁵.

Тем не менее англичане поставили перед собой задачу добиться более весомых торговых привилегий. В 1775 г. Ост-Индская компания отправила в Каир своего агента Джорджа Балдуина. Однако тот разочарованно констатировал: «Турки и власти Мекки считают, что порт Джидды пострадает, Ост-Индская компания считает, что пострадает ее торговля, Левантийская компания считает, что вовсе будет разорена»²⁶. Между тем в Египте начались новые волнения: мамелюкские беи разрешали христианским судам подходить к Суэцу, но требовали более высокую пошлину, чем турки в Джидде. Разгоревшийся «Суэцкий кризис» привел к тому, что к 1780 г. идея англичан относительно быстрого развития ближневосточной сухопутной торговли была на время предана забвению²⁷.

Вместе с тем, тема актуальности освоения ближневосточных территорий как ближайшего пути сообщения с Индией оставалась открытой. В частности, Балдуин полагал, что Египет может быть не только транзитной территорией для почты и товаров, но и площадкой для набора рекрутов в Индийскую армию, которая в условиях возможной войны с Францией должна быть обеспечена мобильными резервами. Подобные идеи заинтересовали Г. Дандаса, главу Контрольного совета по делам Индии. Он опасался, что после потери североамериканских колоний, в случае англо-французского вооруженного конфликта, Индия будет атакована в первую очередь. Еще в 1784 г. этот политик запрашивал английского посла в Париже на предмет наличия у французов планов в отношении Египта. Тот отвечал, что таковых нет, но французы ищут возможность сухопутной торговли через Ближний Восток и связи с индийскими княжествами²⁸. В 1785 г. посол сообщил о возросшей активности французов в Египте. В ответ Контрольный совет вновь отправил в Египет Балдуина, теперь в должности генерального консула. Его новая миссия заключалась в том, чтобы добиться равноправия англичан с французами, а также следить за действиями французских агентов.

В Египте в этот момент к власти пришла очередная коалиция мамелюков во главе с Мурадом и Ибрагимом беями (были разгромлены

Наполеоном в битве у Пирамид в 1798 г.). После 1783 г. они перестали платить дань султану, и в 1786 г. тот направил войска для наведения в Египте порядка. Со своей стороны английский консул обратился к турецкому командующему с просьбой открыть Красное море для британской торговли. Просьба была перенаправлена в Стамбул, откуда был получен ожидаемый отказ. Впрочем, в связи с начавшейся русско-турецкой войной (1787–1791), не желая оставаться без поддержки европейских государств, Порта оговорила возможность свободного судоходства для почтовых кораблей в Красном море. Любопытно, что вскоре после этого турецкая армия из Египта была эвакуирована, так и не выполнив своей главной задачи: подавить здесь волнения. Они продолжались в отложившейся провинции вплоть до вторжения армии Наполеона Бонапарта²⁹.

После ухода турецких войск представители Контрольного совета и Ост-Индской компании были вынуждены отказаться от развития политических и торговых связей с Египтом. Этому шагу поспособствовала и смена внешнеполитического курса Лондона. Дело в том, что «через голову» министра иностранных дел герцога Лидса внешней политикой на ближневосточном направлении занимался сам У. Питт-младший, консультируясь по делам Индии с Дандасом. В 1791 г. Форин Оффис возглавил У. Гренвилль, посчитавший, что меры по защите владений в Индии не должны осложнять приоритетного вектора британской политики в Европе. Заодно была пересмотрена необходимость постоянного содержания консульств и на Ближнем Востоке. По мнению Гренвиля, они не стоили затрат – при необходимости их должны были содержать заинтересованные торговые компании³⁰.

Столкновением разных взглядов английских политиков на «восточную проблему» стал «Очаковский кризис», разразившийся в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. У. Питт-младший, который поддерживал принцип целостности Османской империи и рассматривал Россию как соперника Англии на Востоке, в ультимативной форме потребовал у Петербурга вернуть Стамбулу захваченные территории и крепости, из которых наиболее существенным приобретением был Очаков, и принять английское посредничество в мирных переговорах. Категоричный отказ Петербурга спровоцировал дипломатический конфликт, едва не переросший в войну. Питт, убежденный в необходимости решить дело в свою пользу, воспользоваться моментом и утвердить английское влияние в Стамбуле, обратился к парламенту с просьбой о выделении военных кредитов. Однако его воинственный пыл победило благоразумие умеренных политиков, не желавших терять Россию в качестве торгового партнера, а также дипломатов и некоторых членов Кабинета, не видевших смысла начинать полномасштабные военные действия с целью помочь Турции, к тому

же первой объявившей войну³¹. Среди последних был и лорд Гренвилль, считавший необходимым сохранять союз с Россией для поддержания баланса сил в Европе. В целом английской стороной «Очаковский кризис» был признан столкновением интересов в Европе, а не на Востоке. Совсем скоро ближневосточные дела отошли для Лондона на второй план в связи с началом открытого противостояния с революционной Францией.

Подводя итоги, можно констатировать, что после Карловицкого конгресса 1699 г. английская политика на Востоке стала быстро отходить от принципов чисто экономического взаимодействия с Портой. Однако вплоть до начала Французской революции это направление внешней политики островного государства носило явно вспомогательный характер. Время от времени его могли «оживить» отдельные государственные персоны, а также создаваемые ими институты, однако в целом оно оставалось подчиненным интересам «большой», европейской политики и континентальным интересам Британии.

Примечания

- 1 См.: Lane M. The Diplomatic Service under William III // Transactions of the Royal Historical Society, 1927. Vol. 10. P. 108.
- 2 См.: Ferriol to Louis XIV, 4 April 1700 // Correspondance du Marquis de Ferriol, Ambassadeur de Louis XIV à Constantinople, Anvers, 1870. P. 108.
- 3 Ahmed III to R. Sutton, 1702 // Hammer M. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1841. Vol. 2. P. 42.
- 4 См.: Sutton R. The Dispatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710–1714), ed. by A. N. Kurat. London, 1953.
- 5 См.: Coroban C. British Reactions to Charles XII's Stay in the Ottoman Empire // Revista Română de Studii Baltice și Nordice, 2011. Vol. 3, iss. 1. P. 50.
- 6 См.: Earl of Buckinghamshire (British Ambassador to Russia) to Lord Halifax, 2 August 1763, no number, P.R.O., S.P. 91/72.
- 7 См.: Weymouth to Murray, 1 November 1768, № 6, S.P. 97/44.
- 8 См.: Saint-Priest to Choiseul, 13 February 1769, № 4, Corr. Pol. Turquie 150.
- 9 См.: Murray to Weymouth, 26 April 1769, № 11, S.P. 97/45.
- 10 См.: Weymouth to Lt.-Governor Johnston, 15 November 1770, № 12, C.O. 174/6.
- 11 Например, реис-эффенди спрашивал Мюррея, почему англичане пропустили русских через Ла-Манш. Турок, судя по всему, даже не подозревал, что проливы не являются владением Англии, подобно тому как черноморские проливы являются владением Порты.
- 12 См.: Saint-Priest to Choiseul, 18 October 1769, № 30, Corr. Pol. Turquie 152.
- 13 Smilyanskaya E. Russian Warriors in the Land of Miltiades and Themistocles : the Colonial Ambitions of Catherine the Great in the Mediterranean. National Research University «Higher School of Economics», 2014. P. 6–13.
- 14 См.: Гребенищикова Г. Л. Российские военно-морские силы в Эгейском море в 1770–1774 гг. // Вопр. истории. 2007. № 2. URL: <http://www.wap.kortic.borda.ru/> (дата обращения: 21.11.2014).
- 15 См. например: Macfie A. L. The Eastern Question, 1774–1923. L. ; N. Y. : Taylor&Francis, 1989. P. 2–4.
- 16 См. например: Смелянская И. М. Приготовления к русско-турецкой войне 1768–1774 гг. : российские эмиссары в Греции и на Балканах // Восточный архив. 2009. № 2(20). С. 40–51.
- 17 См.: Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование императрицы Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л. : Лениздат., 1989. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 12.03.2013).
- 18 См.: Rochford to Cathcart, 25 August 1770, № 17, S. P. 91/84.
- 19 См.: Anderson M. S. Great Britain and the Russo-Turkish War of 1768–74 // The English Historical Review. 1954. Vol. 69, № 270. P. 39–58.
- 20 См.: Фурсов К. А. Держава-купец : отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М. : Тов-во науч. изд. «КМК», 2006. С. 145.
- 21 Pitt's India Bill of 1784. URL: <http://www.indohistory.com/> (дата обращения: 21.11.2014).
- 22 См.: Ingram E. From Trade to Empire in the Near East – III : the Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804, Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 3. P. 284.
- 23 См.: Bruce J. Travels to Discover the Source of the Nile in the Years 1768–1773. Edinburgh, 1790. P. 188.
- 24 См.: Ingram E. From trade to empire in the near East – I : the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 1. P. 4.
- 25 См.: Abir M. The «Arab Reblion» of Amir Ghalib of Mecca (1788–1813) // Middle Eastern Studies. 1971. Vol. 7, № 2. P. 185–187.
- 26 Baldwin G. Political Recollections Relative to Egypt. London, 1801. P. 7.
- 27 См.: Hoskins H. L. British Routes to India. London, 1928. P. 10–11, 14–18.
- 28 См.: Ingram E. In Defence of British India. Great Britain in the Middle East, 1775–1842. London : Frank Cass & Co. Ltd, 1984. P. 27.
- 29 См.: Shaw S. Between Old and New : The Ottoman Empire under Selim III, 1789–1807. Cambridge Mass., 1971. P. 217–128.
- 30 См.: Grenville to Dundas, 1 April 1792 ; Ingram E. From trade to empire in the near East – I : the end of the spectre of the overland trade, 1775–1801 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14, № 1. P. 10.
- 31 См.: Black J. British foreign policy in an age of revolutions, 1783–1793. Cambridge University Press, 1994. P. 257 ; Сабумова Л. П. Начало англо-русского дипломатического противостояния в рамках «Восточного вопроса» («Очаковский кризис» 1791 г.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2014. Т. 14, вып. 4. С. 77–81.